

свой слух ладонями прихлопывать, чтобы не зареветь. Но мамин голос дошёл, успокоил:

— Что же вы, бабы, страху нагнали? Я её взяла. Моё дитя! Мне и хлопотать, воспитывать. Успокоится — поправится, зайкаться бы вот только не стала, — и склонилась над девочкой, что-то шепнула ей на ухо. Эльза, вскинув ручонки, обвила мамину шею. Мама гладила её острые плечи.

— Натерпелась она. Хоть и мала, а понимает небось, да сказать не может. А и скажет по-своему — понять бы, будем переспрашивать.

Стучали ходики в напряжённой тишине, уверенно стучали, чтобы показывать правильное время. Думалось о том, как мы будем защищать приезжую и какая ложка ей понравится — деревянная или алюминиевая, и с кем познакомиться девочку в школе, доверит ли ей наши тайны командир отряда, но самое главное — что рассказать в ответ ушедшему в наступление отцу, когда он сообщит другой фронтовой адрес. Леонид знает, как написать — поможет, художник свой рисунок приложит — портрет «лисички с косичками».

— Ты, Елена, постарше выбрала бы, — сказала Ремова Варя, мать Колонии.

А мама ответила:

— Как увидела... Как прижала к себе... Сердечко у неё, что у воробышка, бьётся, и дрожит она вся. Право, оробела от слов начальника, в груди захолонуло: как, думаю, быть-то с ней.

Женщины, будто бы все разом, вздохнули облегчённо: «Наладится». И тут я спохватился, захныкал, начал тереть глаза кулаками: у меня, наверно, ревность шевельнулась: «Чужая, а ещё обнимает. Не тронь мою маму».

— Ну, Елена, хлебнёшь ты с ними, — посочувствовала тётя Люба. — Меня для распорядку зови когда. А ты, сынок (это ко мне), вылезай из-за печи, бери сестрёнку за руки. Ну, Андреев сын, иди! Не бойся, не укусит.

Если Люба Степановна зовёт — попробуй не послушаться. Главная она в деревне, надо подчиняться, а то что же может

получиться: все в свою сторону, словно лебедь, рак да щука. Неуверенно, боком-боком, мелкими шагами, чувствуя, как немеют ноги, приблизился я к чужой девочке и, словно боясь обжечься, протянул к ней обе руки. Она охотно подала свою тоненькую руку, соскользнула с маминых коленей и встала рядом со мной.

— Гляди, и родня получилась! — радостно сказала Люба Степановна. — Так оно и складывается в новый день. Предписано в район принимать детей, спасённых из блокады. Примем под общую опеку — всем заботы хватит. И детский дом при школе нашим трудом обеспечим, весело будет.

Девочка осмелела, опять вышла на середину, подняла ручонки над головой и закружилась в медленном танце. В это время и вернулся Лёнька из школы, возбуждённый пришёл после партизанской репетиции.

— Как у вас теперь жить? — он что-то неопределённое крикнул и выбежал из дому. Нашел я его в сарае — там, где мечтали мы главный штаб разместить. В избу вернулись, когда стемнело. Спать пришлось на печи. Кровать — гостье.

Утром проснулись от незнакомого слабого крика:

— Лё-ня, Лё-ня! — девочка пыталась заглянуть на печь. И — о чудо! — выговаривала трудное для неё имя.

Он радостно вскопчил, ударился головой в потолок:

— А ты врал, что она говорить не умеет.

...Каждый день после уроков мы пилили в сарае дрова, чтобы мама хорошо топила печь и было теплее в избе — для девочки старались, не для себя, конечно. Эльза приходила помогать, только не знала как.

Всё чаще мама собирала её на улицу: наряжала в свою плюшевую кофту и выпускала погулять.

В солнечных лучах на синем-синем снегу стояла маленькая девочка, тянула бледные свои руки и кричала по слогам: «Бру-дер! Бру-дер».

Лёнька спросил:

— А можешь сказать «мама»?

— Ма-ма, ма-ма, — горделиво повторяла девочка.

Я тоже прикоснулся к ней пальцем, сказал: «Эльза». Стукнул кулаком по своей выпяченной груди и сказал: «Митя». Она, смешно кривя губы, выговорила моё имя, но ещё раз у неё не получилось. Лёнька помогал выразительно, она вскоре совсем хорошо повторила три раза: «Ми-тя, Митя, Ми-тя».

После мы узнали, что уже в дороге от станции мама осторожно узнавала, совсем или нет пятилетняя Эльза потеряла дар речи, учила её говорить и объяснила, что у неё будут два братика — Лёня и Митя.

Теперь в нашем доме было всех интереснее. Вечерами женщины, старики, мальчишки и девочки приходили, как у нас называют, на беседки. Пока мама доила корову Комолёну, наперебой учили девочку разговаривать. Но она быстро уставала, отказывалась: «Не ко-чу!» — и убегала, топя окрепшими ножонками по ступенькам, залезала на печь, выглядывала оттуда удивлённо и весело — глаза озорно блестели, а на щеках выступал румянец. Почему-то особенно нравился ей дед Ефим (впрочем, и всем ребятишкам). С ним она любила поиграть. Смело себя чувствовала, даже иногда тербила его бороду, приговаривала: «Фи-ма, Фи-ма, Фимочка!».

Мама приносила парное молоко, наливала в первую очередь целую чашку Эльзе. Девочка аппетитно причмокивала и быстро выпивала молоко. Взрослые говорили: будет есть — будет расти.

Однажды, когда Эльза крепко спала, растопырив косички на цветастой подушке, я слышал разговор наших деревенских. Мама говорила, что если бы ещё одну разрешили взять, взяла бы для ровного счёта: два брата — две сестры.

— В детдоме они всё равно без материнского догляду, — это Люба Степановна сказала. — И в каждую семью — по ребёнку на спасение.

— Прокормили бы, вырастили, — расуждала Марья Лапина. — Колония тоже

хнычет, велит на станцию, где детей выдают, ехать.

— Вам только волю дай! А кому работать в поле? Мужиков-то не прибавилось... — Ефим приглушённо басил, поглядывая на Эльзу: боялся разбудить.

— Да, не прибавилось, а семьи растут — тоже победная радость.

Появились новые ожидания. И стали мы дружно жить-поживать. Веселее жизнь пошла, интереснее. Из школы сразу домой торопимся. Всё внимание — сестрёнке. Мы любили с ней повторять новые слова. По вечерам, поджидая маму с работы на льнозаводе, втроем лежали на печи. Слушали шум влажного весеннего ветра в трубе и, вспоминая про белых волков, сестрёнке ничего страшного не рассказывали.

Засыпала она неожиданно. Во сне часто вздрагивала. А мы с Лёнькой лежали тихо, боясь шелохнуться, охраняли покой сестрёнки, готовые насмерть сразиться с любым фашистом, появившись он тут, у нашего родного порога...

* * *

Мы верили в нашу Победу... Но после войны детские и подростковые тропинки, пути-дороги деревенских жителей, даже судьбы кровных родственников раскидало историческими ветрами. Однажды Леонид Батов, постоянный сельский житель, всей округе знакомый по званию «партизан», переслал мне в город письмо, полученное из Германии. Эльза Вагнер вспоминала давние дни в нашей деревне, которой давно уже нет, ласково называла по именам бывших жителей. Сочувствовала тем, кто так много страдает в войну солдатками и всё ещё страдает без заботы и внимания. Она признавалась, что тяжело больна, но мечтает приехать зимой в Россию, погреться на русской печке, опять увидеть сказочные морозные узоры на стёклах, смелые рисунки на снегу, показать школьникам и художнику Николаю Ремову свои портреты добрых людей, исполненные по памяти яркими красками на специальных картонках...

**«Голуби над куполами»
немецкого русскоязычного
прозаика, лауреата
международных литературных
премий Татьяны Окоменюк
оставляет лёгкое и светлое
послевкусие...**

Российский читатель знаком с её творчеством по книгам «Одинокие женщины желают...», «Отдам жену в хорошие руки», «Иуда», «Сокровища викингов», «Иллюзия свободы».

И вот — новый остросюжетный роман. Действие происходит в замкнутом пространстве заброшенного бомбоубежища, оставшегося ещё с советских времён. В подземелье не проникают солнечные лучи, свежего воздуха тоже нет. Кто-то из героев оказался здесь в силу неудачно сложившихся обстоятельств, кто-то по собственной глупости.

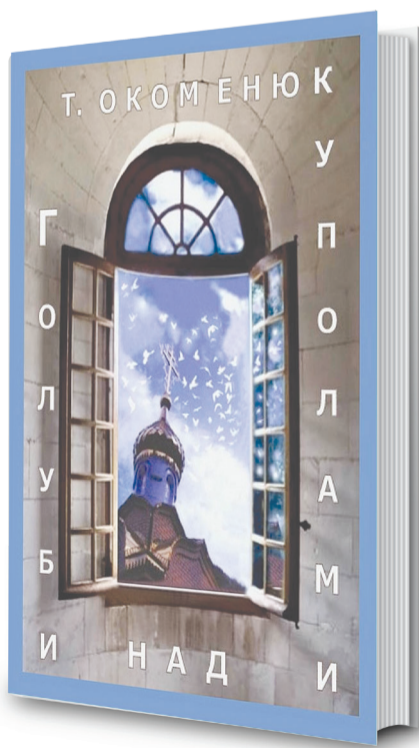
Пленники подземелья: сотрудник правоохранительных органов, бывший заключённый, монах. Каждый с собственным прошлым, но объединённые теперь жутью безысходности, отсутствием надежды на будущее. В романе нет женщин, есть только семеро мужчин, оказавшихся в рабстве у этнической криминальной группировки.

На протяжении всего произведения читатель сопереживает пленникам, каждый из которых выписан автором мастерски, до рельефности, даже кот Обама и крысак Злыдень.

Колоритность характеров достигается разными приёмами. Прямое описание персонажа: «Нервно дёрнув коленкой, Павел стал подниматься. Минуту назад он выглядел довольно прилично: модная куртка необычной текстуры, пуловер с оригинальным принтом, плотные чёрные джинсы со множеством накладных карманов, кроссовки из натуральной перфорированной кожи. Всё новое, чистое — муха не сидела».

Иногда мы видим одного героя глазами другого: «"Ну, этот, скорее всего, играет Зомби", — решил Павел, переводя взгляд на третьего, похожего на актёра Филатова. Вот он-то как раз оставил простор для воображения. Тонкое лицо, умные глаза, гладкий, без единой морщины лоб, породистый нос с аристократической горбинкой. Разбавленные седьмой волосами свхвачены в хвост аптечной резинкой. Мужчина был элегантен,

Выжить любой ценой!



несмотря на застиранную до асфальтовой серости рубашку, потёртые брюки и засаленную костюмную жилетку. В комплекте с ними неплохо бы смотрелась изъеденная молью бабочка, но её почему-то не было».

Или же мы узнаём о человеке через его воспоминания и раздумья: «Лялин подошёл к таракану и с хрустом размазал по бетонному полу его пятсантиметровую тушку. Белорус вздрогнул. Сам он и муху убить не мог. Потому как та — живое существо. Даже в детстве, когда его ровесники привязывали к хвостам кошек консервные банки и стреляли по воробьям из рогаток, он часами загонял в сачок залетевшую в квартиру пчелу, чтобы потом выпустить её на улицу. Носил к речке заблудившихся лягушек, уговаривал пауков уходить к соседям, хоронил раздавленных червяков».

Диалоги и монологи выполняют особую функцию в произведении: словно крупным мазком кисти именно так делается основной акцент на индивидуальности говорящего. Иногда это вульгарность: «— Шандец! У тебя ничё не жмёт, когда ты команды раздаёшь? Не парят они никого! Усосал?». Иногда — размеренность и взвешенность природы, склонность к философскому мироосмыслению: «Если ты не веришь в Бога, это ещё не значит, что Бог не верит в тебя...».

Итак, герои живут в условиях, когда сила человеческая и мягкотелость, жестокость и сердобольность вынуждены

делиться одну жилплощадь на всех, когда беспросветность становится обыденностью, неизбежны всплески агрессии, сменяющиеся провалами отчаяния и апатии. Все семеро остаются обычными людьми, которые элементарно хотят остаться в живых.

При первой встрече с одним из героев мы видим его совершенно раздавленным открывшейся правдой о том, что он не участник реалити-шоу, а самый настоящий узник. Позже именно он станет вестником освобождения из плена своих братьев по несчастью. Юноша сумеет преодолеть боязнь замкнутого пространства и вырваться на волю сквозь преграды и капканы подземных коммуникаций.

Автору удаётся с первых страниц держать читателя в напряжении, вопрос «что же будет дальше?» до конца остаётся открытым.

С самого начала Татьяна Окоменюк заставляет читателя проникнуться всё возрастающей симпатией к этим далёким от совершенства личностям, полюбить их, пережить вместе с ними их страдания и порадоваться трудной, не без потерь, победе. Она мастерски вовлекает нас в бурлящий поток дерзких мыслей и обнажённых чувств, предлагает задуматься над сложными вопросами бытия.

Роман «Голуби над куполами» читается на одном дыхании. Иначе и быть не может, ведь его герои, вопреки обстоятельствам, справляются с главной экзистенциальной задачей — сохраняют свою личную идентичность и находят в себе силы, чтобы остаться людьми.

Раиса ШИЛЛИМАТ